

КАМЧАТСКИЙ ОТДЕЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Б. П. Полевой

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЗАМЫСЛУ ПЕТРА I

(О новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 г.).

Можно назвать, буквально, десятки книг, в которых уже цитировался полный текст знаменитой инструкции Петра I, врученной руководителю Первой Камчатской экспедиции Витусу Берингу. В большинстве работ утверждается, что эта инструкция обязывала Беринга плыть от Камчатки на север. Такое толкование инструкции до сих пор у исследователей не вызывало сомнений, тем более, что В. Беринг в 1728 г., действительно, отправился с Камчатки на север. И все же в настоящей статье мы постараемся показать, что такая интерпретация текста инструкции Петра I была на самом деле ошибочной.

Основная беда многих авторов, писавших об этой инструкции, состояла в том, что они не знали, какой именно географической картой пользовался Петр I, когда он составлял свою инструкцию, и не совсем ясно себе представляли, какие политические соображения побудили его организовать эту экспедицию.

В течение последних лет существовало мнение, что Петр I в момент составления своей инструкции пользовался картой, сделанной Иваном Кириловым в декабре 1724 г. На самом же деле теперь уже можно смело утверждать, что Петр I, создавая свою инструкцию Берингу, использовал ту самую карту Камчатки и Каспийского моря, которую еще недавно в литературе ошибочно называли картой Гомана «1725 года». Убедиться в этом нетрудно. Для этого достаточно лишь сопоставить эту весьма своеобразную карту (см. схему) с текстом самой инструкции Петра I.

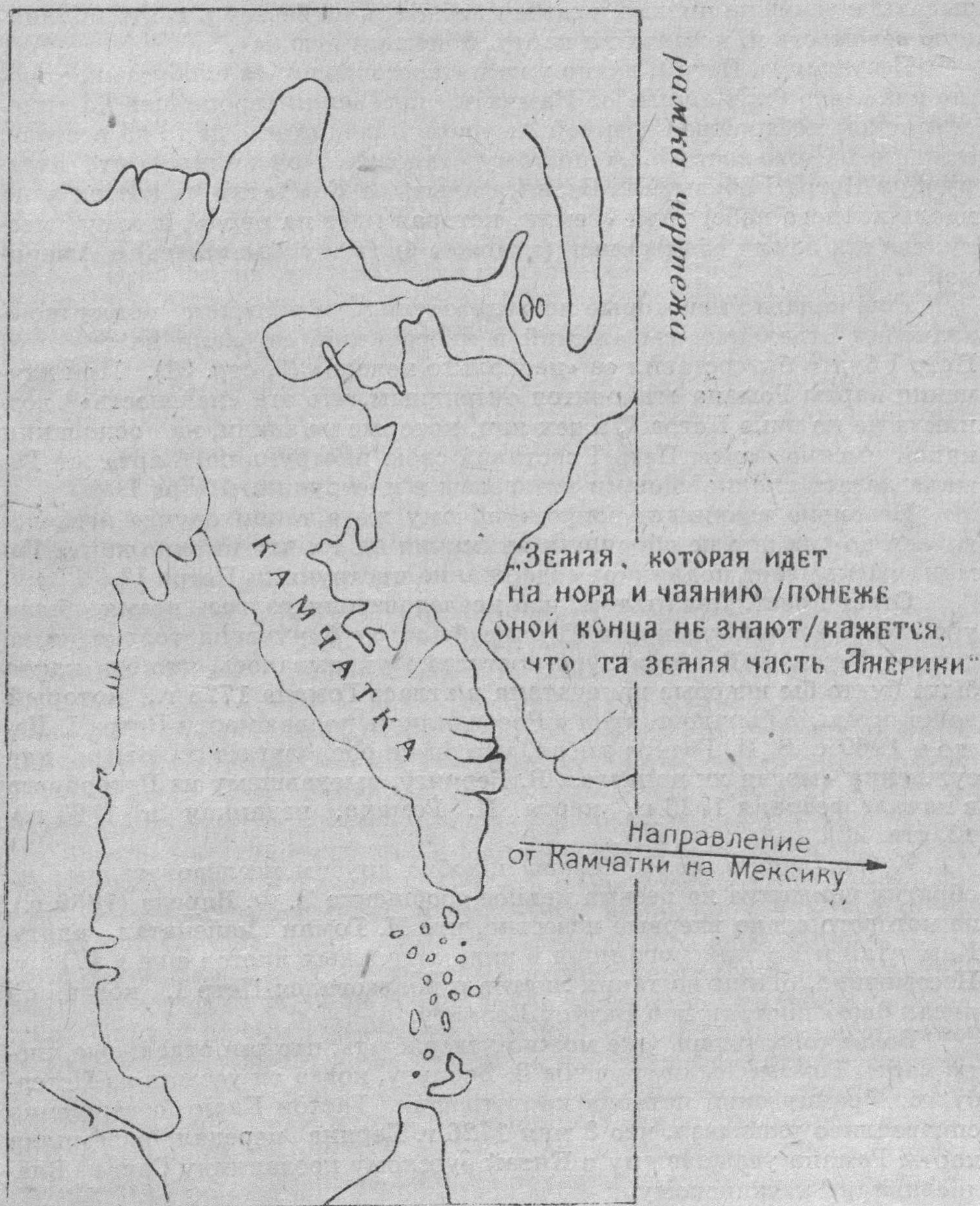
Как известно, первые два пункта этой инструкции гласят:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами,

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки» (4,5 — имеется фотокопия).

На карте Гомана рядом с восточным берегом Камчатки изображена мифическая большая земля, простирающаяся от Камчатки на север и восток. Даже во время Второй Камчатской экспедиции А. И. Чириков (как видно из его рапорта от 7 декабря 1741 г.) еще полагал, что к востоку от Камчатки «лежит земля, именуемая Иоанн де Гамма, о которой чаели, что она часть Америки» (6 стр. 273). Несомненно, именно эту мифическую землю Иоанна де Гамма и имел в виду Петр I, когда он во втором параграфе своей инструкции писал о

«земле, которая идет на норд и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». На карте Гомана эта большая земля не имеет названия. Она изображена идущей на север вдоль восточного побережья Камчатки и с востока она обрезана рамкой чертежа. Поэтому о ней действительно можно было сказать: «Понеже оной конца не знают». По этой же причине ее можно было легко принять и за «часть Америки». Таким образом, становится совершенно очевидным, что Петр I хотел, чтобы Беринг плыл возле именно этой мифической «земли», а не вдоль берегов Азиатского материка, как это до сих пор полагали многие исследователи. В самом деле, если бы Петр I считал, что Беринг должен плыть вдоль континентального берега, то он, конечно, употребил бы иное выражение, скажем, «подле

берега». Но он явно писал об особой «земле, которая идет на норд». «ТА земля» (обратите внимание на выделенное здесь местоимение) в инструкции Петра I явно противопоставлялась Камчатке, как другая, НЕ азиатская земля. Нетрудно понять, что Петр I никак не мог принять азиатское побережье, идущее к северу от Камчатки, за «часть Америки». Абсурдность такого предположения становится очевидной при ознакомлении со всеми русскими географическими чертежами, сделанными до 1724 г. Из инструкции видно, что Петра I особенно интересовал вопрос, что из себя представляет эта безымянная земля, изображенная на карте Гомана рядом с Камчаткой, какое отношение она имеет к Америке. Вот почему в последнем параграфе инструкции Берингу было приказано:

«3. И, для того искать, где она сошлась с Америкой, но и чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейский, провести от него как оной куст (берег) называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Безусловно, Петр I, давно уже интересовавшийся глобусами, хорошо знал, что ближайшие от Камчатки поселения европейцев на тихоокеанском побережье Северной Америки находились где-то на востоке, если не на юго-востоке. А поэтому становится очевидным, что инструкция Петра I обязывала Беринга плыть от Камчатки на восток явно вдоль южного побережья «земли, которая идет на норд», к тому месту, где эта земля сближалась (а может быть и соединялась) с Америкой.

Еще недавно некоторые исследователи, не понимая подлинного значения отдельных выражений в инструкции, сетовали на то, что Петр I будто бы составил ее «несколько неясно» (6, стр. 21). При изучении карты Гомана становится очевидным, что эта «неясность» возникла не по вине Петра I, а тех лиц, которые не знали, на основании какой именно карты Петр I составил свою инструкцию. Карта же Гомана делает вполне ясными все фразы в инструкции Петра I.

Невольно возникает вопрос: почему же в таком случае исследователи до сих пор не обращали внимания на то, что именно карта Гомана раскрывает подлинное содержание инструкции Петра I?

Ответ прост. Дело в том, что исследователи долгое время были убеждены в том, что карта Гомана была опубликована только после смерти Петра I. В литературе постоянно указывалось, что эта карта была будто бы впервые напечатана в атласе Гомана 1725 г., который действительно был доставлен в Россию лишь после смерти Петра I. Даже в 1960 г. В. И. Греков писал, что он не располагает данными для суждения «могла ли попасть... В. Берингу, выехавшему из Петербурга в начале февраля 1725 г., карта И. Гомана, изданная в 1725 г.» (2, стр. 28).

К сожалению, В. И. Греков подобно другим исследователям не обратил внимание на весьма ценное сообщение Э. Ф. Варепа (1959 г.), из которого стало впервые известно, что И. Гоман напечатал карту Камчатки и Каспийского моря в виде отдельных листов еще в 1722 г. Несомненно, одним из таких листов и пользовался Петр I, когда он писал свою инструкцию Витусу Берингу.

Более того, теперь уже можно утверждать, что эти отдельные листы карты Гомана были вручены В. Берингу, когда он уезжал из Петербурга. Французский историк картографии Гастон Каан совершенно справедливо указывал, что 8 мая 1726 г. Беринг передал экземпляр карты Гомана уезжавшему в Китай русскому посланнику Савве Владиславичу Рагузинскому.

Недавно мне удалось установить, что эти отдельные листы карты Гомана 1722 г. даже сохранились до наших дней. В отделе картографии библиотеки Академии наук имеются два таких листа. Один полный лист (шифр: $УР \frac{К}{654}$), второй — половинный, на котором дана Кам-

чатка (шифр: $УР \frac{К}{655}$). Надо полагать, что именно такой половинный лист с изображением лишь Дальнего Востока и был Берингом вручен Савве Владиславичу Рагузинскому.

Естественно возникает вопрос: если у Беринга была эта карта, то почему же в таком случае он и его спутники отправились не на восток, а на север вопреки желаниям Петра I?

Понять это нетрудно. На Дальнем Востоке, как это и следовало ожидать, никто ничего не знал о мифической земле Иоанна де Гамма, но зато слышали что на дальнем севере существует «нос», который возможно идет к Америке. Поэтому неудивительно, что участники экспедиции Беринга решили, что они могут считать побережье Берингова моря «землей, которая идет на норд» к месту соединения Азии с Америкой. Именно Чукотку А. И. Чириков назвал «землей той, о которой мнение было, что сходится с Америкой» (2, стр. 21). Даже враги Беринга, жившие на Дальнем Востоке, вроде небезызвестного начальника Охотского порта Скорнякова-Писарева, не сомневались в том, что инструкция Петра I обязывала Беринга плыть вдоль азиатского побережья. В одном из доносов было сказано, что Беринг «по силе инструкции его же величества» должен был «осмотреть от земли Камчаткой лежащей берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется (Чукченской нос), не имеет ли тот берег коммуникации с настоящею Америкой западного ея берега» (6, стр. 368).

Именно эти документы и создали у историков ложные представления о истинном содержании инструкции Петра I.

Таким образом, многие исследователи неправильно истолковали содержание инструкции Петра I. В. Берингу из-за того, что они более позднюю интерпретацию ее текста приняли за ее истинное содержание.

Очень важно отметить, что в Петербурге довольно скоро убедились в том, что В. Беринг и его товарищи по-своему истолковали инструкцию Петра I. Адмиралтейская коллегия даже особо отметила, что «по данной блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества собственноручной капитану-командору Берингу инструкции в бытность ево Беринга в той экспедиции, было искание, где Камчатская земля с Америкой сошлась...», тогда как Беринг «даже до ширины 67 градусов ходил...» (6, стр. 91).

Сам Беринг понимал, что в Петербурге могут не согласиться с его истолкованием инструкции Петра I. Вот почему в 1729 г. он все-таки счел необходимым предпринять особое плавание К ВОСТОКУ от Камчатки. Он сам верил в то, что восточнее Камчатки может находиться большая земля. Он проплыл в этом направлении около 200 миль, не встретив никакой земли. Но и после этого плавания он подобно Петру I продолжал верить в возможность открытия в этом районе ряда земель. Беринг даже допускал, что сама Америка близко расположена от полуострова Камчатка. Он так и писал: «...признаваю я, что Америка или иные между ней лежащие земли не очень далеко от Камчатки» (6, стр. 364). И в 1730 г. он сам выступил с предложением послать от Камчатки на восток новую исследовательскую экспедицию.

Данное предложение Беринга соответствовало инструкции Петра I, а поэтому оно было одобрено правительством. На Камчатку снова была отправлена экспедиция «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой» (6, стр. 91).

Так возникла знаменитая Вторая Камчатская экспедиция.

Бесьма показательно, что составители инструкции для Второй Камчатской экспедиции хорошо знали о том, что между Камчаткой и Америкой нет никакого соединительного перешейка, и, тем не менее, Берингу было приказано искать «соединение» между ними. Это ясно говорит о том, что в данном случае в слово «соединение» вложен несколько иной смысл. «Соединением», по-видимому, была названа та самая земля, которая по предположениям географов тех лет (в том числе самого Витуса Беринга) могла находиться между полуостровом Камчатка и Северной Америкой, ибо она как бы служила своеобразным соединительным звеном между двумя континентами.

Очень показательно, что, когда в 1741 г. оба корабля Второй Камчатской экспедиции были направлены с Камчатки прямо на восток, то во многих документах было отмечено, что это делалось во имя практического осуществления идей Петра I, высказанных в его инструкции В. Берингу. Таким образом, все говорит за то, что Петр I в своей инструкции 1725 г. ставил перед Берингом задачу плыть не на север, а на восток от Камчатки.

В свете этих данных становится очевидным, что В. И. Греков, напрасно брал под сомнение совершенно правильное заключение А. А. Покровского, что по идее инструкции Петра I корабли Камчатской экспедиции должны были «достигнуть Мексики» (6). В. И. Греков писал: «... это предположение трудно совместить с направлением экспедиции на норд» (2, стр. 21). Из этой фразы видно, что В. И. Греков, подобно многим другим историкам, ошибочно считал, что инструкция Петра I будто бы обязывала В. Беринга плыть на север, тогда как на самом деле в инструкции речь шла лишь о «земле, которая идет на норд», а не о направлении будущего плавания.

Если мы вспомним, что во времена Петра I испанские поселения в Мексике были самыми северными европейскими поселениями на западном побережье Северной Америки, то станет вполне очевидным, что, когда Петр I приказывал «доехать до какого города европейских владений», то он в первую очередь имел в виду именно район Мексики. Это подтверждает и А. И. Чириков. В его письме в Адмиралтейскую коллегию от 12 февраля 1733 г. упоминается, что на Беринга и его спутников была возложена задача «дойти по силе данной инструкции собственной руки вечно достойной памяти императора Петра Великого господину Берингу, до испанского владения Мексиканской провинции...» (6, стр. 206). Другой вопрос: ради какой цели Петр I стремился, чтобы русские суда дошли до берегов Мексики? А. А. Покровский утверждал, что это делалось ради установления торговых отношений. Конечно, Петр I не отказался бы от любой возможности открыть торговлю. Однако, во-первых, трудно поверить, чтобы Петр I не знал, что испанская метрополия строжайше запрещала своим заморским колониям вступать в прямые торговые отношения с иностранцами. Во-вторых, здесь важно вспомнить, что инструкция Петра I отнюдь не обязывала Беринга непременно доплыть «до какого города европейских владений». В инструкции ясно указывалось, что он вполне мог ограничиться простой встречей с европейскими судами. А отсюда становится очевидным, что Петра I интересовала отнюдь не торговля, а простая встреча с европейцами. Ему важно было, чтобы испанцы (или какие-либо иные европейцы) могли бы сами удостоверить, что русские первыми

прошли мимо берегов еще «незнаемой северо-западной части Северной Америки».

Зачем же для него это было необходимо?

Бесспорно, для разрешения самой важной задачи русской политики в северной части Тихого океана. Экономические интересы России в связи с падением доходов от эксплуатации богатств Сибири (значительное сокращение ее пушных богатств) настоятельно требовали открытия новых богатых промысловых районов. В этом отношении особое значение имело бы присоединение к России новых богатых районов Северной Америки.

Петр I был современником войны за испанское наследство (1701—1713 гг.). Он знал, как ожесточенная борьба за колонии уже шла между Англией, Францией и Испанией в восточной части Северной Америки. Он понимал, что со временем западно-европейские колонизаторы захотят распространить свою власть и на еще неизвестные земли северо-западной части Северной Америки, обращенные к России. Возможно, ему даже было известно, что западно-европейские колонизаторы уже при захвате территорий на восточном берегу Северной Америки объявляли себя властителями земель «от моря и до моря», хотя они не имели еще никакого представления, где это второе море находилось. Само обращение иностранных ученых к Петру I с просьбой разрешить вопрос, имеется ли в северной части Тихого океана пролив между двумя континентами, ясно показывало, что в те годы другие европейские государства еще не были в состоянии отправить в тот далекий район свои экспедиции. Поэтому он и решил, что отправка исследовательских экспедиций к «неизвестным» берегам северо-западной части Америки вполне соответствует практическим интересам России. Ему политически было важно, чтобы русские стали первооткрывателями этих берегов, ибо это дало бы России право на первоосвоение этих земель. Он ясно сознавал, что чем скорее русские появятся на этих берегах, то тем больше земель будет здесь закреплено за Россией. Он, конечно, понимал, что именно здесь, на северо-западе Северной Америки, будет положен предел столь благотворному для интересов российского феодального государства продвижению русских на восток*).

Зная, что западноевропейские державы непрерывно расширяют свои колониальные владения в Северной Америке и весьма ревниво следят за своими соперниками, Петр I сознавал, что ему также необходимо проявлять большую осторожность и своими действиями не вызывать подозрительность у своих соперников, так как в противном случае они могли начать изыскивать способы, чтобы как-нибудь опередить русских. В этом отношении обращение иностранных ученых к Петру I с просьбой организовать экспедицию для разрешения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, было для него политически выгодным: оно позволяло ему под предлогом отыскания пролива между двумя континентами провести морской путь к северо-западным «неизвестным» берегам Северной Америки и сделать там ряд открытий, которые должны были дать России впоследствии возможность начать осваивать эти земли по праву первооткрытия. Но даже Петр I старался быть осторожным. Во-первых, он организовал это плавание без огласки. Во-вторых, он решил в число участников экспедиции брать как можно меньше иностранцев и во всяком случае не брать выходцев из

*) Показательно, что Петр I, отдавая первое распоряжение об организации Первой Камчатской экспедиции, особо подчеркнул: «Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке» (5). Это примечание ясно показывает, что Петр I особо большой интерес проявлял именно к берегам Северной Америки.

тех государств, которые были заинтересованы в территориальных захватах в Северной Америке. В-третьих, он явно из предосторожности даже самым участникам экспедиции не стал раскрывать, ради какой конечной политической цели он решил послать эту научную экспедицию. Вот почему у многих в Петербурге и даже у участников самой экспедиции создавалось ложное впечатление, что Петр I, организуя эту экспедицию, будто бы помышлял только об отыскании пролива между Азией и Америкой, а не о каких-либо иных целях. Даже сам В. Беринг уверовал в то, что это и является главной целью его экспедиции. Последнее безусловно способствовало неправильному пониманию инструкции Петра I. Если бы участники Первой Камчатской экспедиции ясно представляли подлинные дальнейшие цели Петра I, то, конечно, никакого недоразумения в истолковании инструкции царя не было бы.

Все приведенные данные показывают, что наше истолкование инструкции Петра I полностью согласуется с той главной политической целью, которую преследовало в те годы русское правительство, организуя знаменитые Камчатские экспедиции. Несомненно, Петр I смотрел на освоение «неизвестных земель» к востоку от Камчатки, в том числе тогда еще никем непроезданной северной части северо-западного побережья Северной Америки, как на естественное продолжение колонизации Сибири, давно уже начавшегося продвижения русских на восток.

ЛИТЕРАТУРА

Варепп Э. Ф. — О картах, составленных русскими в атласе И. Б. Гомана 1725 г. Изв. ВГО, 1959, № 3.

Греков В. И. — Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. Изд. АН СССР. М. 1960.

Ефимов А. В. — Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат. М. 1948.

Полонский А. С. — Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—1729. Зап. Гидрографическ. департ. 1850, ч. VIII.

Соколов А. П. — Назначение первой Беринговой экспедиции. Зап. Гидрографическ. департ. 1851, ч. IX.

Экспедиция Беринга. Сб. докл. Подготовил к печати А. Покровский. ГАУ. М. 1941.